

После покупки было бы неразумно идти куда-либо прогуливаться, невзирая на моё легкое желание. Я преодолел достаточно длинный путь от школы до дома, который в обычной ситуации преодолел бы на велосипеде, который мне подарила сестра. Однако в этот раз я не потрудился вразумить, что эффективность данного транспорта стократ выше моего интеллекта, — кто бы мог подумать?

Так или иначе, входная дверь предстала передо мной.

Что ж, я дома, хах...

Я сжал ручку двери.

Как по обыкновению, та была ледяной, как если бы я додумался опустить руку в азот и достать из того, потерявшую свои прежние свойства, металлическую трубу — почти одинаковое, обжигающее чувство ладони. И нет, это не действительность. Данные ощущения были на психологическом уровне, а не физическом.

Как только дверь распахнулась, ладонь отпрянула от ручки.

Меня встретила та же серая, пастылая палитра цветов, которую я наблюдаю каждый день, по возвращению домой.

Тот же деревянный паркет; те же классические часы с позолоченным молоточком за стеклом, по стукам, напоминающие сердцебиение человека; неменяющийся из года в год коврик, постеленный в прихожей; настенные крючки под пальто и куртки; миниатюрный комод, на который по случаю можно присесть. В дополнении всего прочего следует также обратить внимание на постоянный, ностальгический запах ванильного освежителя воздуха.

Гулкий звук хлопка оповестил потенциальных хозяев «house»-а о моём присутствии. Послышались глухие шаги по паркету коридора. Пока снимал обувь, мой взгляд был опущен вниз, поэтому, когда я стал неспешно его поднимать, то «внезапно» обнаружил тёмные чулки длиной с пят до бёдер. Вырисовывалось то, что девушки называли абсолютной территорией.

Каждый раз, когда я вижу эту сцену после школы, мне приходит на ум одна мысль: «Говорят: вместе с личностью меняются и её вкусы, так?». Полагаю, это её случай, — перед глазами возник образ белых гольфов, которые она некогда носила.

Оказанное мной внимание адресовалось девушке, что стояла напротив меня и выглядела сравнительно младше, но не более чем на год.

Она была почти наголову ниже меня, имела гладкие, каштановые, длинные до лопаток волосы

с пучками собранных прядей по бокам, а также сверкающие, отдающие багряным блеском, тёмно-голубые радужки глаз. Её маленькое тельце соблюдало стройные пропорции и правильную осанку, однако девушка не являлась настолько же созревшей, как, к примеру, наш школьный идол — Юмикава Сайко. Однако, между тем, её милые черты лица ничем не уступали Юмикаве.

Юная леди прочно сжимала в руках крупного, плюшевого медведя коричневой раскраски и с розовым бантом на шее. Похоже, данная игрушка имела для неё огромное значение.

На самом деле, моя младшая сестра собирается поступить после этого года в мою школу, дабы учиться вместе со мной. Это станет первым учебным заведением, в котором мы будем находиться под одной крышей. Родители всегда отправляли мою сестру в самые престижные школы, однако в этот раз я смог своими собственными силами поступить на бюджетное образование в престижную Старшую школу Сакурай. Сюда же поступит и она: либо на бюджет, либо за оплату.

Мать давно уже в больнице, а она продолжает изо дня в день освежать воздух в доме ванильным дезодорантом. Должно быть, дело привычки...

От неё, что ни встреча, всегда исходил аромат ванили, который прочно въелся в её одежду и чуть ли не под корку собственной плоти.

— Братик, ты уже вернулся? Купил то, что нужно было? — поинтересовалась она.

— Да, всё в порядке, Юи.

Моноotonно промолвив, я протянул ей салафановый пакет с продуктами. Краем глаза, заметив силуэт в гостиной, я посмотрел в дверной проём: там, на кресле сидел мужчина ещё непожилых лет, однако, кроме как его затылка, физиономии видно не было.

Я инстинктивно сузил очи и приготовился идти к себе в комнату.

Чёрт... Может, всё же пока пойти прогуляться?..

— Может, ты сегодня присоединишься к ужину?.. Я думаю... нет ничего плохого в том, чтобы поесть вместе с нами... вместе с отцом... — проямлила слабо Юи.

Я задержал на ней враждебный взгляд, заставив сестру поёжиться, после чего поднял свою сумку с пола и побрёл неторопливо в комнату. И хоть моё выражение лица обычно являлось апатичным, а глаза напоминали усопшую тварь из фильмов про зомби, — этот мой взгляд сейчас был особенно острым. Он говорил сам за себя: «Даже шутить на эту тему не стоит!».

— П-прости... глупая была затея...

Вообще, моя сестра во многом уверенная в себе и решительная девушка, однако, в отношении катящихся коту под хвост «семейных уз», Юи — полная неряха, — с этими думами я поднимался по ступенькам лестницы.

Welcome to my room!

[с англ.: Добро пожаловать в мою комнату!]

Моя комната представляла собой «мужскую базу» площадью примерно 6-8 татами, — я не линейка, так что точности от меня не ждите. Если войти без предупреждения, то можно без особых трудностей обнаружить творческий беспорядок в виде: разбросанных то тут, то там на полу книг; валяющихся по всему «периметру» стола ручек, карандашей, тетрадок, словарей, атласов, синей ткани и альбома; а также, разбросанных на кровати листков бумаги, которые были изощренно и небрежно помяты.

Стоя в дверном проёме, по левую сторону от меня — в дальнем углу — находился книжный шкаф; в правом дальнем углу — «лежак», смотрящий на меня пятami; если же смотреть прямо, то в глаза попадалось грамотно расположившееся в стене окно, левее же от него раскинулся письменный стол; по центру комнаты пластом разлёгся декоративный палас.

На двери висел прикреплённый скотчем какой-то ватман, на котором было написано что-то о тренировке тела и видах упражнений. Рядом же с входом расположился календарь, последний зачёркнутый день которого являлась суббота 5-ое апреля. Я никогда не зачёркивал день, до его окончания.

Медлительно обойдя комнату вдоль и поперёк, я разобрал всё по полочкам, а ненужный хлам бросил в урну. Пребывая у стола, мой взор завис на ещё одном ватмане, тот содержал исключительно деловитое расписание, начиная с утренней зарядки и присутствием в школе и заканчивая самообразованием и временем, выделенным на развлечения. Да-да, мои хобби достаточно «разносторонние».

Мой взгляд привлекла шахматная доска, на которой уже развернулась битва и неспешно шла к своему финалу. Это был эндшпиль. Задача одна — провести пешку к концу поля и заработать решающее преимущество, при этом также не позволив пешке противника сделать аналогичное.

Я сделал один ход и скорбно вздохнул.

Eh, Unterricht...

[с немец.: Эх, уроки...]

Моя партия, к сожалению, была безвыигрышная.

Я вывалил из сумки тетради с учебниками и принялся за учёбу. Это не заняло много времени, и уже через полтора часа работы я мог по-царски усесться на кресле у камина и, попивая чай, приняться за чтение, — но, к моему сожалению, камина у нас нет. Покончив с дополнительным самообучением, я убрал все тетрадки, учебники и канцелярские принадлежности по своим местам и решил пробежаться глазами по книжной полочке.

В числе множеств книг были такие произведения, как: «Убить пересмешника» Хапера Ли, «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса, «Граф Монте-Кристо» Александра Дюма, «Отец Горио» Оноре де Бальзака, «Божественная комедия» Данте Алигьери, все тома «Войны и мира» Льва Толстого, «Сердце» Нацумэ Сосэки, «Паутинка» Рюноске Акутагавы, «Искусство войны» Сунь-Цзы, «Государь» Никколо Макивалли, «Преступление и наказание» Фёдора Достоевского и «Герой нашего времени» Михаила Лермонтова. И это лишь малое количество книг, расположенных на первой полке.

Взяв психологический роман под названием «Герой нашего времени» из зарубежной литературы, который лежал на полочке, я начал читать со страницы отмеченной закладкой.

«Такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных чувств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен.

Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм, — другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их, — меня никто не понял: и я выучился ненавидеть.

Моя бесцветная молодость протекала в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца: они там и умерли.

Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался.

И тогда в груди моей родилось отчаяние, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой»

— Стал скрытен, стал злопамятен, выучился ненавидеть, начал обманывать... — я сдавленным

тихим голосом процитировал для себя главные строки абзацев.

Здесь собрались основные пороки поведения человечества, за которые мы кого-либо презираем. Если же говорить обо мне, то я позиционировал себя с главным героем лишь на две трети.

Я положил книгу на тумбочку, на которой стоял будильник и направился в туалет.

Умыться бы...

По возвращению в комнату, я заметил алюминиевый поднос на столе. На нём были стакан чая и карри в тарелке. Видать, сестрица Юи принесла.

Я лениво поплелся ко «всея верстаку» и поднял стакан, который критично затрясся в моей руке — на меня напало странное, но безмерное желание метнуть его в стену и покрасить типичные, худые, цвета морской волны, обои в пресновато рыжий оттенок.

Я замахнулся.

Мне не нужна ваша тупая жалость!

Зубы стиснулись — душа обливалась гневом из-за унижения.

...

— Юто... на что похоже унижение?..

— Хах, знаешь... Когда тьма подавляет свет, нам становится жалко свет, верно? Вот только, равно и наоборот, если свет подавляет тьму, нам становится жалко тьму, — я некоторое время молчал, а Юи терпеливо дожидалась продолжения.

— Человек испытывает унижение ровно в тот момент, когда его посчитали жалким. Неважно сам ли он или кто-то другой посчитал его таковым. Неважно за что, будь то внешний вид, манера поведения или совершенный поступок. До тех пор, пока ты будешь жалок в рамках своих собственных жизненных взглядов и в рамках взглядов окружающих — очевидно, ты будешь унижен.

— ...

— Теперь понимаешь, Юи? Унижение похоже на чувство несправедливости, из-за чужого подавления. Только и всего.

...

Вдох. Выдох. Ещё вдох.

«Спокойно... спокойно...» — пытался усмирить я себя.

Как бы поступил в этом случае более мудрый и беспристрастный человек?

Я снова сделал глубокий вдох и положил бедолагу-стакан обратно на стол.

Мудрый человек отужинал бы данной пищей, глупо не упрямясь...

Иногда людям до жути трудно идти против собственных эмоций — это то, что я сейчас стойко чувствовал.

Хоть и вернул фарфоровый сосуд на место, я даже не притронулся к еде — просто уселся спиной к кровати и закрыл глаза, постепенно погружаясь в свой внутренний мир.

Как же это было? — задался я вопросом где-то на краю сознания, что обыкновенно свойственно мне. Порой я ухожу в себя и вспоминаю о чём-то незначительном. Верно, незначительном...

Любое, по сути, воспоминание не имеет никакого смысла, ведь оно остаётся в прошлом — там, где ему следует находиться. Единственное, куда нужно направлять свой взор, это новое завтра — жить сегодняшним днём. Даже если твоё резюме достаточно... запятнано, просто продолжай идти вперёд. Я придерживаюсь такого типа мышления, чтобы не терять понапрасну голову.

Когда я открыл глаза, Юи уже сидела рядом со мной в своей повседневной одежде, посапывая у меня на плече.

Что она здесь забыла?

Я перевёл взгляд на письменный стол: на нём лежал поднос. Думаю, стоит поесть: завтрашний день обещает быть долгим.

Кто бы что ни говорил, я не считаю, что Юи сделала в тот день что-то не так. Как по мне, она оказала ту необходимую поддержку, которая была мне так нужна. И дело тут даже не в поцелуе, а в той решительности, коею сестра проявила. Разве кому-то хватило бы смелости на подобное? Отдать то, что уже не вернуть, ради мнимого доверия? Вы бы бросили кости? Я — определённо, нет. Но Юи сделала шаг, а я, как мужчина, должен был ответить аналогичной решительностью.

Я поужинал и отнёс посуду на кухню, — отца в зале уже не было.

Когда я вернулся в комнату, Юи вовсю развалилась на моей кровати и с кем-то яро переписывалась по телефону. Плюшевый, черноносый медведь сидел подле неё.

Чего это она не сваливает?

Я подошёл к постели и шуточно заметил:

— С парнем переписываешься?

— Ага, с твоим, — злобно усмехнулась она.

— Очень смешно...

— Правда? А должно быть грустно, хи-хи.

Я сел на край «лежака».

— Ну и? К себе собираешься?

— Норе.

Не оборачиваясь, отказалась она.

Командует, как у себя в комнате. Ах, ну да. Куда же МНЕ до «властительницы» школьных сердец и любимой дочери семьи Такеши?

Моя сестра — «скандально» знаменитая девушка в своей школе. Если нужно сравнение, то достаточно вспомнить моих «идеальных» одноклассников — Юмикаву и Хайро, — и отличий будет мало. Весомым отличием является лишь то, что сестра водится с таким, как я. Хотя в моей средней школе был один «безупречный» парень, подобный Хайро, который оставался хорошего мнения обо мне. Он являлся действительно интересным «фруктом». Жаль судьба-злодейка не свела нас в этой школе.

Я вздохнул.

— Ладно, сиди, сколько хочешь, только читать не мешай, — я сел на краю кровати спиной к Юи уже с другой книжкой, нежели с той, которую читал ранее.

— Оки-доки!

Моя спина напряглась: кто-то прислонился к ней. Легкий аромат ванили ударил в нос. Ну что на этот раз?

— Если будем сидеть спиной к спине, то нагрузка на твой позвоночник станет меньше.

Нагрузка, хах?..

— Как скажешь.

Я не стал отстраняться.

— Как дела в школе? Нашёл себе девушку? — она сконфуженно захихикала, когда это спросила.

Меня задел её сарказм, поэтому я решил приукрасить свой рассказ.

— Насчёт дел в школе... Ну, полагаю, у меня будут значительные трудности завтра, но ничего критичного. По обыкновению, я выйду сухим из воды.

— Хах, ну в этом ты, безусловно, профи.

Я уверен: она оскалилась в этот момент.

— Что же насчёт девушки... Кажется, я словил куш, ибо сегодня мне дала свою почту одна милая барышня и предложила как-нибудь встретиться.

— Что?! — она заёрзала на месте. — Это просто ложь! Ты же блефуешь, верно? Этого просто не может быть, я никогда не поверю твоим словам. Она, должно быть, дала тебе его из жалости, хи-хи.

Её последние слова горько кольнули меня в душу.

— Видишь ли, я не лгу и не блефую. Если хочешь, я покажу тебе её номер телефона и электронную почту.

— Да, пожалуйста, будь добр.

Она резко обернулась и выказала признаки ожесточенности на лице.

— Прости уж, но мою невестку ты узнаешь только после свадьбы, — хоть я и пытался проявить язвительный тон голоса, он получился монотонным.

— Дай мне её номер и электронную почту, — ласково попросила она.

Я не мог выразить этого на своём лице, но в душе я улыбнулся: Юи повелась на моё лукавство.

— По-моему, я тебе уже отв...

— Я сказала: «Дай мне её номер и электронную почту».

Несмотря на то, что она улыбалась, а глаза были прикрыты, Юи источала крайне жуткую, враждебную ауру, заставившую меня проглотить слюну. Она спрятала одну руку за спиной, а вторую протянула ко мне.

— Ну же, дай мне свой телефон.

Оправившись от потрясения, я бросил на неё свой мертвый взгляд.

Верно, это всегда было равно только для нас с Юи: казаться безобидными снаружи и...

В памяти всплыл цвет её чулок, которые она сейчас носила.

...и являться отвратительными внутри.

...

[1. Признаться]

[2. Солгать]

...

И именно потому, что я знал Юи, как самого себя, я решил солгать.

— Это просто шутка, не беспокойся. У меня нет ни номера, ни почты. Навряд ли я вообще когда-нибудь найду себе девушку, а уж про жену даже заглядывать не стоит, — я вздохнул.

— В каждой шутке есть доля правды, — проговорила Юи с наигранной улыбкой.

Похоже, она мне не поверила...

Однако, вопреки моим ожиданиям, Юи села спина к спине и, по-видимому, успокоилась, достав телефон и прижав косолапого товарища к себе.

— А что там насчёт той драки, в которую ты сегодня чуть, было, не вляпался?

Сменила тему, хах?

— Всё закончилось без сучка и задоринки, на мне даже царапины не осталось, чему я безмерно рад. Тот парень оказался и вовсе неплохим человеком, просто неприятное стечение обстоятельств. Не думаю, что в дальнейшем он принесёт мне вред.

— Ясно...

— ...

Я и Юи прекрасно знали, что диалог заканчивается ровно в тот момент, когда один из собеседников употребляет слово «Ясно». А поскольку Юи — человек общения, я просто ожидал, когда она продолжит реплику, ради которой задержала столь большую паузу.

Тот факт, что я ожидал, и тот факт, что Юи знала, что я буду ожидать, — они оба говорили о нашем сильном взаимопонимании. Если бы на моём месте был любой другой, то он бы просто попытался скрасить молчание разговором, однако для нас это не являлось необходимостью. Подобные отношения равны лишь для тех людей, что связаны между собой крепкими узами.

— Тебе же... никто не угрожает, не так ли?

Вопрос не нёс прямого смысла своих слов, а лишь завуалировано спрашивал меня о любой возможной опасности. Я сделал максимально уверенный тон голоса и ответил:

— Нет, никто.

— Хорошо, если это действительно так.

— ...

Неважно, какие меня встречают неприятности, я редко полагаюсь на Юи, поскольку боюсь, что по моей вине она — поневоле пострадает. Любить настолько, чтобы не вмешивать в свои проблемы даже родную сестру, — именно это и является качеством преданного человека.

Мы провели оставшуюся часть времени наедине с собой. Порой болтая, порой соблюдая тишину, но ближе к ночи, как бы то ни было, разобрались по комнатам. Я приготовился к завтрашнему дню, поставил телефон заряжаться на тумбочку, перечеркнул сегодняшнюю дату в календаре и лёг спать.

Это и есть мои обыкновенные будни. Приключений в них всегда было по минимуму, однако, после поступления в старшую школу Сакурай, меня в пору можно назвать уже авантюристом. Кому бы хватило воображения догадаться, как всё будет обстоять дальше? Как же долго я проклинал свою «удачу».

Позвольте представить Вам мою историю со своими драмами, романами и комедией.

История, в которой, оступившись лишь раз, я оставил себя ни с чем.

Рекомендации:

- 1) Читайте произведение со шрифтом Times New Roman!
- 2) Оставьте комментарий, порауйте автора!
- 3) Нажмите кнопку "Спасибо" в конце!

<http://tl.rulate.ru/book/62626/1742292>